

сопутствующего мэром Гитоном и двадцатью другими родственниками, ждавшими у дверей совета. Насмешливо отвесив несколько поклонов входившему Обинье, король сказал: «Да хранит вас Бог, о Серторий⁶⁹, Манлий Торкват⁷⁰, старый Катон⁷¹, и, если в древности существовал военачальник еще суровей, да сохранит вам Бог и его!» На эту колкость Обинье немедленно ответил: «Если дело идет о правиле дисциплины, против которой вы являетесь обвинителем, позвольте заявить вам отвод». Тут он вышел в другую комнату. Не пожелав сесть, Обинье сослался только на отказ в повинении и замолчал. После обмена мнений председательствовавший господин де Вуа горячо поблагодарил Обинье, попросил его и впредь защищать дисциплину от дурных начальников, во власти которых она находится, и прибавил: «Мы должны исправить только одно: столь справедливо приговорив к смертной казни бунтовщика, стоявшего на часах, вы, однако, взяли на себя смелость смягчить этот приговор, между тем как это право принадлежит только генералу». Очень довольный, что его порицают именно за это, Обинье заявил совету, что, будучи отрезан морем от материка, а также имея поручение отливать пушки и готовиться к сражению, он позволил себе простить солдата. С его объяснениями согласились, а короля долго открыто порицали за его вражду к поддержанию порядка и к справедливому правлению. Подобные колкости и в особенности продажа ольронского округа врагам, чего Обинье не мог вынести, так как приобрел его слишком дорогой ценой, вызвали в нем желание вернуться домой и внушили ему справедливую жажду мщения. Он пришел к несправедливой мысли, которой раньше не могли породить в нем ни огорчения, ни опасности: выйти в формальную отставку и потом умереть при выполнении какого-нибудь великого дела. Но, видя, что партия привержена религии, он решил презреть все, чему его наставляли с детства, взяться за изучение спорных пунктов религий и жадно искать в римско-католической вере хотя бы крупницу для спасения души. В гневе он обнаружил и огласил это намерение. Тогда господин де Сен-Люк, де Лансак, д'Ала и другие враги-паписты послали ему отовсюду книги. Сначала Обинье принялся читать Панигаролу⁷², но бросил его за болтливость. Потом Кампиануса, и был восхищен его красноречием. Но это было не то, чего он искал, и, отбросив эту книгу, он написал на титульном листе: «*Declamationes*»⁷³ вместо: «*Orationes*»⁷⁴. Потом ему попалось под руку все, что в то время было издано Беллармином. Он проникся приемами и силой этой книги, ему полюбилось кажущееся простодушие автора, приводящего выдержки из враждебных ему текстов; он надеялся найти то, чего искал. Однако, принявшись за любознательное исследование с помощью Витакера и Сибранда Люберта⁷⁵, он больше чем когда-либо утвердился в своей вере, а тем, кто спрашивал у него о пло-